

Изображения игровых карт предоставлены Музеем карт Государственного музея-заповедника «Петергоф».
The pictures of playing-cards were supplied by the Card Museum at the Peterhof State Museum Preserve.

Санкт-Петербург,
Владимирский
проспект, 12. Здесь
размещался Купеческий
клуб, который после
1917 года переименовали
во Владимирский.
Фотография
1920-х годов.
12, Vladimirsky Prospekt,
St Petersburg.
This was the home
of the Merchants' Club that
was renamed the
Vladimirsky after 1917.
The 1920s photograph.

Дамы и короли в Советской республике

kings and queens in the Soviet Republic

Александр Чистиков / by Alexander CHISTIKOV

– Что это? – спросил изумленный Шульгин. – Игорный дом?
– Да. Это то учреждение, которое в пролетарской республике не закрывается ни днем, ни ночью! – ответил его сопровождающий.
– Как! Никогда? Даже для уборки?
– Никогда. Республика не может терять золотого времени.

“What’s that?” Shulgin asked dumbfounded.
“A gambling house?”
“Yes. It’s the establishment that in the proletarian republic never closes, day or night!” the man accompanying him replied.
“What! Never? Not even for cleaning?”
“Never. The republic cannot waste golden time.”

На календаре — январь 1926 года. В занятом папиросным дымом зале коммерческого клуба «Владимирский» на проспекте Нахимсона, 12, идет карточная игра. Точно так же играли в карты здесь и десять, и двадцать лет назад. Известному монархисту Василию Шульгину, нелегально побывавшему в Советской России в середине 20-х годов и посетившему клуб «Владимирский», бросилось в глаза, что «публика была разная. Были хорошо одетые, но большинство было мятых и грязных, очевидно, небогатых». Да и в других городах, по признанию очевидцев, «всегда около рулетки и других азартных выдумок толпились пролетарии».

Впрочем, новая власть поначалу азартные игры не любила, считая, что им не место в завтрашнем дне. И среди многих комиссаров Военно-революционного комитета, действовавшего в октябре—ноябре 1917 года, появился комиссар «по борьбе с алкоголизмом и азартом». Отряды красновардейцев обходили игорные дома, переписывали, а иногда арестовывали посетителей. Конфискованные деньги шли в фонд Советов, а притоносодержателей и игроков предавали революционному суду.

Борьба с «азартом» шла с переменным успехом. Закрывались одни притоны, по соседству возникали другие. Некоторые владельцы чайных и трактиров все же

Василий Витальевич Шульгин (1878—1976) — депутат Государственной Думы 2—4-го созывов. Вместе с А. И. Гучковым он принимал отречение от престола императора Николая II.

Vasily Shulgin (1878—1976), a deputy of the second to fourth State Dumas. Together with Alexander Guchkov he received Nicholas II's abdication.

Русское купеческое собрание: старшины с женами в Большом зале на Фонтанке, 48.

The Russian Merchants' Assembly: the elders with their wives in the large hall at 48, Fontanka Embankment.

Такие игральные карты в 1920-х годах вкладывались в коробки с конфетами.

In the 1920s playing-cards like these were included in boxes of chocolates.

The date is January 1926. In the hall of the *Vladimirsky* club, where the smoke of cheap cigarettes hangs in the air, a card game is underway. They are playing cards just as they did here ten years and twenty years ago. The prominent monarchist Vasily Shulgin, who made an illicit visit to Soviet Russia in the mid-1920s and went to the *Vladimirsky* club, was struck by the variety of people he found there. “Some were well dressed, but the majority were crumpled and dirty, obviously not wealthy.” In other cities too, according to witnesses, “proletarians always crowded around roulette and other gambling contrivances.”

The new authorities, however, were against games of chance at first, believing that they had no place in their future world. And among the numerous commissars of the Military Revolutionary Committee that operated in October and November 1917, there appeared a “commissar for fighting alcoholism and gambling”. Red Guards detachments did the rounds of the gambling houses, recording the names of visitors and sometimes making arrests. The confiscated money went to fund the Soviets,

старались не нарушать постановления о запрещении карточной игры в этих заведениях. Не хотелось платить крупный денежный штраф или садиться в тюрьму. Иногда подобная законопослушность оборачивалась трагедией. Об одной из них рассказала петроградская «Красная газета» в январе 1918 года. Когда в чайной «Незабудка» на Васильевском острове один из посетителей затеял игру в карты, хозяин попытался пресечь ее. Разгневанный игрок набросился с кулаками на прислугу и жену владельца. Защищая их, хозяин выстрелом из пистолета убил хулигана, за что был арестован и предан суду.

Не оставили власти без своего внимания и различные заведения типа Благородного или Русского купеческого собрания, Литературно-художественного общества или Экономического клуба. Некоторые из них существовали не первое столетие, имели свои традиции и широко занимались благотворительностью. Во многом их пожертвования, как и само благополучие, зиждились именно на доходах от игр, официально в этих обществах разрешенных.

Власти в лице совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны весной 1918 года сделали решительный шаг. Они объявили о закрытии любых клубов и собраний, «в коих будут допущены игры в карты, лото и пр.». Тем самым общества,

while gamblers and those running the places were brought before a revolutionary court.

The fight against gambling was a hit and miss affair. Some dens were shut down, but others sprang up nearby. Some owners of tearooms and taverns did try to adhere to the regulations banning card games in such establishments. They were keen to avoid a large fine or a spell in prison. Occasionally such law-abiding behaviour ended in tragedy. One such occurrence was recorded by the *Krasnaya Gazeta* newspaper in Petrograd in January 1918. When one of the customers at the *Forget-Me-Not* tearoom on Vasilevsky Island started a game of cards, the owner tried to stop it. The infuriated gambler hurled himself with flying fists upon a servant and the owner's wife. Protecting them, the owner killed the hooligan with a pistol shot, for which he was arrested and brought to trial.

The authorities did not overlook either various institutions such as the Noble Assembly, the Russian Merchants' Assembly, the Literary and Artistic Society and the Economic Club. Some of them were over a cen-

Пропагандистская фотография чайной «Выборгский рабочий», 1928 год.

Propaganda photograph of the Vyborg Worker tearoom, 1928.

Комиссар городского хозяйства Михаил Калинин считал, что искоренить присущее природе человека влечение к азартным играм невозможно. The Commissar for the Petrograd Municipal Economy, Mikhail Kalinin, believed that it was impossible to eradicate the natural human obsession with gambling.

Карточная фабрика при Императорском воспитательном доме. Фотография Карла Буллы. 1913 год.

The playing-card factory attached to the Imperial Foundling Hospital. 1913 photograph by Karl Bulla.

С 1817 года в России монопольное право на производство игральных карт имела единственная фабрика, находившаяся в Петербурге.

From 1817 the monopoly on the production of playing-cards was held by a single factory located in St Petersburg.

образно говоря, приговаривались к смерти. Представители этих заведений засыпали «владыку» города Григория Зиновьева письмами. В них звучала не только мольба: в обмен на разрешение они готовы были часть денег, вырученных от игр, направить в городскую казну.

Удивительно, что и среди большевиков были сторонники этой идеи. Комиссар городского хозяйства Петрограда Михаил Калинин, будущий «всесоюзный староста», еще раньше предложил все заведения, где происходит карточная игра, обложить 10–30-процентным налогом от их валового дохода. Он был уверен, что «парализовать хотя бы в этой части завоеванную свободу не соответствует демократическим взглядам, что искоренить репрессиями присущее природе человека влечение к играм вряд ли

является возможным». Калинин подготовил даже проект соответствующего декрета, в котором оставалось проставить лишь дату утверждения. Коллеги-комиссары его не поддержали. Существование купеческих, благородных и им подобных объединений не вписывалось в представление о новой жизни.

Вскоре замерло производство на карточной фабрике. Но ни дефицит игральных принадлежностей, ни гонения не помогли. Игроки разбрелись по квартирам. Кое-кого удавалось арестовать, но это была капля в море. В петроградских милицеевских хрониках второй половины 1919 года зафиксировано всего 304 случая игры в карты. Среди игроков оказалось более трех десятков самих милиционеров. За это их подвергли не административному, а уголовному наказанию.

Лихорадка «азарта» проникла даже в стены Смольного — оплота и символа новой власти. В последний день 1920 года на стол коменданта лег рапорт от дежурного помощника: «Во время обхода казарм обнаружена была группа сидящих красноармейцев, играющих в карты на деньги. Тут же, в присутствии дежурного по караулу и его помощника, отобрали колода карт и деньги в сумме 1750 рублей. С играющими я ничего не сделал, то есть не арестовал, а списал фамилии».

The Commissar for the Petrograd Municipal Economy, Mikhail Kalinin, had already suggested imposing a 10–30% tax on the profits of establishments where gambling took place. He was convinced that “to paralyze even in this area the freedom that has been won does not accord with democratic views [and] to eradicate by means of repressive measures the fascination with games inherent in human nature is hardly possible.” Kalinin even drafted a decree on the matter, which only needed to have the date of approval added to come into force. His fellow commissars did not support him.

Soon production at the playing-card factory ground to a halt. But neither a lack of accessories, nor persecution were of any help. The gamblers dispersed to private apartments. One or two were arrested, but that was a drop in the ocean.

The year 1921, the start of a new decade, was a turning-point for Russia, in games of chance as in so much else. Recognizing that the disease had not been cured, but only driven from the surface, Lenin signed an order on 9 November permitting the sale of playing cards in the country.

Одна из попыток превратить азартную игру в познавательную: карточная игра-пособие «Винтовка». Автор Н. П. Ильин, 1930 год. One of the attempts to turn a gambling game into a learning experience: the educational card-game Rifle. Devised by N.P. Ilyin. 1930.

ture old, had their own traditions and extensive philanthropic activities. To a large extent their charitable donations, and indeed their entire funding, came from the income from gambling, officially permitted in those societies.

In the spring of 1918 the Petrograd authorities took a decisive step. They announced the closure of any clubs or gatherings “in which card games, lotto and the like are permitted”. This was effectively a death-sentence for the societies. Representatives of those institutions showered Grigory Zinoviyev, the “master” of the city, with letters. Those letters contained more than just pleas: in exchange for permission to continue, they were prepared to transfer part of the profits from gambling to the city budget.

Surprisingly, among the Bolsheviks too there were those who favoured this idea.

Открывший третье десятилетие прошлого века год 21-й, во многом переломный для России, стал таковым и по отношению к азартным играм. Осознав, что болезнь не вылечили, а лишь загнали внутрь, Председатель Совета Труда и Обороны Владимир Ленин подписал 9 ноября постановление, разрешающее продажу игральных карт в стране.

Но на официальное разрешение игорных домов Кремль не пошел. Впрочем, в некоторых городах, с благословения местных властей, они существовали уже с 1920 года. В 1921 году их стало больше. Желавшие рискнуть находились, и их было немало. Только один клуб «Сплендид-Палас» в Петрограде за два летних месяца 1922 года посетили более двадцати с половиной тысяч человек, заплативших лишь за вход в игорный дом 2,5 миллиона рублей. А эти деньги составляли всего 1–4 процента от общей прибыли казино. А еще через три-четыре года наступил пик расцвета казино. Зазывали ленинградцев и гостей города клубы «72» и «Казино» на проспекте 25-го Октября (ныне Невский), «Летучая мышь» на улице 3-го Июля (Садовая), «Трокадеро» на проспекте Карла Либкнехта (Большой проспект Петроградской стороны)...

Всепожирающая страсть завлекала в свои сети не только «бывших эксплуататоров» и новых нэпманов, но и

советских чиновников, рабочих, интеллигенцию.

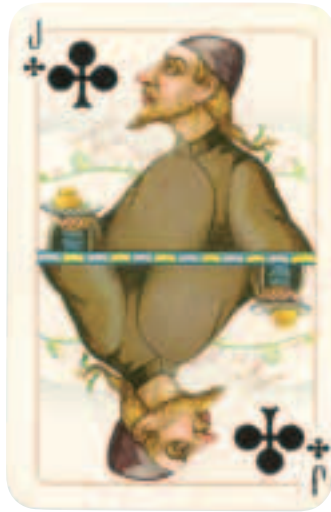
Казалось бы, вся обстановка требовала закрытия игорных домов, тем более что газеты вновь заполнили сообщения о растратах, совершенных азартными чиновниками, об убийствах и самоубийствах игроков. За запрещение азартных игр ратовал Наркомат внутренних дел, против были местные исполкомы. Они не только боролись за сохранение существующих казино, но и ходатайствовали перед НКВД об открытии новых. Ларчик открывался просто... Часть дохода игорных домов поступала в городскую казну, а отсюда шла на содержание убыточных отраслей или на благотворительные цели. В 1922 году «карточные» деньги помогали голодающим Поволжья, местному народному образованию, чуть позже – Воздушному флоту России и детским домам. Отчисления из казино составляли чуть ли не половину бюджета Всероссийской комиссии по улучшению жизни детей и комитета, помогавшего инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам.

Кремль оказался в положении буриданова осла: с одной стороны – не лишние деньги для многих государственных или общественных организаций, с другой – изломанные, исковерканные людские судьбы, трагедии и уголовные преступления. Несколько лет правительство коле-

ments' income came into the city budget and could then be used to support unprofitable industries or for charitable purposes. In 1922 "gaming money" helped the victims of famine in the Volga basin and local popular education; slightly later it was spent on building a national air force and on orphanages. The percentage taken from casinos made up almost half the budget of the All-Russian Commission for Improving the Lives of Children and the committee for the aid of war invalids, sick and injured Red Army soldiers.

The Kremlin found itself on the horns of a dilemma: on the one hand, many state or public organizations could ill afford a drop in funding; on the other, there were ruined lives, tragedies and crimes. For several years the government vacillated, but eventually it made its choice. In May 1928 a resolution was adopted calling on the local authorities "to take measures for the immediate closure of all establishments for card games, roulette, lotto and other games of chance."

While forbidding gambling, however, the state did not launch an attack on card games

В 1920-е годы Государственная карточная фабрика продолжала выпускать продукцию по дореволюционным образцам, но в 1930-е появились новые разработки, не уступающие старым по качеству и художественным достоинствам.

In the 1920s the State Playing-Card Factory continued to produce cards from pre-revolutionary designs. In the 1930s, however, new types appeared, as good as the old ones in quality and artistic merits.

балось, но свой выбор все же сделало. В мае 1928 года Москва приняла постановление, в котором предложила местным властям «принять меры к немедленному закрытию всех заведений для игр в карты, рулетку, лото и других азартных игр».

Однако, запретив азартные игры, государство не стало преследовать карточную игру как таковую. Ленинградская карточная фабрика продолжала рассылать колоды игральных карт по всей стране. А НКВД специально разъяснил подчиненным ему органам, что устроители карточных игр в своих квартирах привлекаются к административной ответственности лишь тогда, когда «это помещение приобретает характер игорного заведения, где с играющими владельцем помещения или устроителями игр берется какая-либо плата за вход, или за пользование игральными предметами, или за участие в игре».

В остальных случаях игра в карты была разрешена. Ее поклонники могли не таясь собираться вечерами, чтобы предаваться своему любимому занятию.

*Самовар кипит со свистом,
Граммофон визжит романс,
Два знакомых коммуниста
Подошли на преферанс.*

Об игре в карты Владимир Маяковский знал не понаслышке, ибо сам любил сы-

as such. The Leningrad playing-card factory continued to distribute packs of cards to the whole country, while the law-enforcement bodies were particularly instructed that those who organized games of cards in their own homes were only to be fined or prosecuted if "the premises acquire the character of a gambling establishment, where the owners of the premises or organizers of the games make some charge for entry, or for the use of the playing equipment, or for participation in the game."

In other instances games of cards were permitted. Aficionados could come together of an evening without concealment to indulge in their favourite pastime.

*The samovar is on the go;
The gramophone plays with vehemence;
Two Communists I know
Have called to play preference.*

The poet Vladimir Mayakovsky was no stranger to gambling. He liked to play both cards and billiards for money. Nikolai Erdman, recalling a summer in Yalta in the late 1920s, said that in the evenings Mayakovsky

грать на деньги и в карты, и в бильярд. Николай Эрдман, вспоминая летнюю Ялту конца 1920-х годов, рассказывал, что Маяковский часто вечерами навещался в полуразрушенную дачу, которую снимали Эрманы. «Туда еще набивались актеры: эта группа, в которой гастролировала моя жена, и всегда кончалось это карточной игрой. Играли в "стуколку", в "девятый вал", причем он во всё играл очень азартно, повышая ставки, играл всегда втемную, т. е. рискуя больше, чем другие».

Однако для идеологов нового общества карточная игра все равно оставалась «родимым пятном капитализма». Но запретить ее было невозможно, игра в карты по-прежнему занимала не последнее место в досуге горожан и сельских жителей Советского Союза. ■

often came round to the half-ruined dacha that the Erdmans had rented. "Some actors also packed in, the troupe with which my wife was touring, and things always ended in a game of cards. They played Stukolka and Deviaty Val. He played everything recklessly, raising the stakes, always playing blind, in other words, with greater risk than the others."

For the ideologists of a new society, card games still remained a "birthmark of Capitalism". Yet it was impossible to ban them. Card games continued to occupy a prominent place in the leisure activities of Soviet citizens. ■